

Содержание

МИХАИЛ ШИШКИН. Райцентр	9
ЕВГЕНИЙ БАБУШКИН. Я начинаю путь	15
АЛЕКСАНДР КАБАКОВ. Деталь интерьера.....	21
ЛЮДМИЛА УЛИЦКАЯ. Лоскуток	29
СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ. ГУМ: сцены у фонтана	43
ДЕНИС ДРАГУНСКИЙ. Бойцовка и бутылка	57
ТАТЬЯНА ТОЛСТАЯ. Несуны	67
ЕВГЕНИЙ БУНИМОВИЧ. Татьянин день. <i>Записки на стене старого общежития</i>	75
АЛЕКСЕЙ ВАРЛАМОВ. Присяга	91
АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВ. Перелицовка	109
ЕЛЕНА ХОЛМОГорова. Планета Юшино, или Сталк по заброшкам	119
НАТАЛЬЯ ЗИМЯНИНА. Десять лет при коммунизме	137
ЕВГЕНИЙ ВОДОЛАЗКИН. Трудности существуют для того, чтобы их преодолеть.....	155
ШАМИЛЬ ИДИАТУЛЛИН. Стране нужна бумага	169
АЛЕКСАНДР ГЕНИС. Попутчик	189
ВЛАДИМИР ПАПЕРНЫЙ. Письма лондонскому другу о поездке в Торжок	199
ЕЛЕНА КОЛИНА. Свои — чужие, или Папины дочки	221
НАТАЛЬЯ ГРОМОВА. Повесть о первом коммунисте	233

МАРИНА СТЕПНОВА. Белый унитаз	245
ВАСИЛИЙ СНЕГОВСКИЙ. Тихий, как сон	255
МАРИНА ПОПОВА. СССР с польским акцентом	267
ОЛЬГА ВЕЛЬЧИНСКАЯ. Пиджачок и курточка	283
АННА МАТВЕЕВА. Долгие и частые письма	295
СВЕТЛАНА МОСОВА. “Если б не было тебя...”	313
ИВАН ЦЫБИН. Секретный конструктор	321
МИХАИЛ БУТОВ. Конец века	341
ЕЛЕНА ДОЛГОПЯТ. Печальный герой	363
ЮРИЙ БУЙДА. Рассказ человека с зеленым сердцем	371
ГЛЕБ ШУЛЬПЯКОВ. Ловец	377
СЕРГЕЙ ШАРГУНОВ. Дружок	389
АЛЕКСЕЙ САЛЬНИКОВ. Лагерь и поход	403
ДМИТРИЙ ЗАХАРОВ. Внутренняя Мордовия	413
ВАЛЕРИЙ ПОПОВ. Портвейновый век	423
АНДРЕЙ ФИЛИМОНОВ. Стихи абсурдного содержания	439
ЕВГЕНИЯ НЕКРАСОВА. Сила мечты	451
РОМАН СЕНЧИН. Владимирэсемёнычы	465
ДМИТРИЙ ВОДЕННИКОВ. Раковина навсегда	479
ДМИТРИЙ БЫКОВ. Сумерки империи	491
<i>Об авторах</i>	517

Были, были люди меж людьми.
Были и на всё тогда причины.
Вспоминаешь дни своей любви.
Женищины, прекрасные мужчины...
Самое начало наших лет.
Только что в Москву пришел Жванецкий.
Нам достался редкостный билет.
Нас зовет ЦДРИ, старик Кузнецкий.
Кутаясь в чужие баишьки,
Я еще сугробы раздвигаю.
Шпроты, карбонаты, балыки —
Я с порога не предполагаю.
Старый Новый. Новый старый год.
Восемьдесят черт его каковский...
Чудо, чудо, жди, произойдет.
Этот чай отчаянный, московский.
Я в открытом платье, боже мой.
И такое тоже было вроде.
Ну, не знаю. Топая домой
По январской подлинной природе.

Вероника Долина

МИХАИЛ ШИШКИН

Райцентр

1 Трамвай. Одна шестая. До рассвета. Учащиеся. Бабы. Слесаря. Утробный кашель. Ветеранов пря. Ни зги в замерзших стеклах. Лишь газета укажет, где граница тьмы и света. Пусть заставляет каждая заря поверить в неизбежность мартабря, достоин все же лучшего сюжета спектакль. Остановка. Вечность длится простой маршрут “Ж.-д. вокзал — Больница”. На шапках и платках не тает снег. Дыханьем, как резинкой, стерло лица. На стрелках, в качке, свой замедлил бег скрипучий трехкопеечный ковчег.

2 Запись в жалобную книгу. Не топят, дует, грязно, тараканы. Постель сыра. Всю ночь ворчит толчок. Шальной в нем кувырчется бычок — от жившего вчера привет неожиданный. У коридорной взгляд какой-то странный. Дежурный, одноногий старичок, застыл по стойке смиренно, как смычок, отечества солдатик оловянный. И с тугриками швах. Какой-то гад день божий оценил в два шестьдесят. От голубцов замучила отрыжка. Соседи о любви поют не в лад. Одна отрада — разломив коврижку, голодную кормить с ладони мышку.

3 С утра, как обещали, снегопад пристал к глазам, как прирастает вата к порезам. Точит об асфальт лопаты, сгребая снег в сугробы, взвод солдат. На постаменте замер адвокат, под ласку вьюг подставив лоб Сократа. Кругом, набросив белые халаты, прохожие с авоськами спешат. Свистком и жезлом правит всей зимой в заснеженной ушанке постовой. И кажется, фигур-

ному портрету стоять века с протянутой рукой. Но в рыхлый наст упавшую монету так или иначе прикарманит лето.

4 Никак не обойтись без ресторана. Мест нет. Но всё ж. Загубленный талант, приносит миску щей официант, селедочку — отраду ветерана, по-киевски котлету без обмана — вот весь для нас доступный провиант. А то, что ест туркмен-негоциант, командировочным не по карману. Полковник дочку замуж выдает. С пустившихся впрысядку брызжет пот. В пустой тарелке отблески мигалки. Красавица с пучком глазами жжет. Они сулят, что скрасит ужин жалкий бесхитростная страсть провинциалки.

5 В окне ночной райцентр. Каплет душ. Под мышкой засыпает одалиска, и снится ей столичная прописка и малопьющий нежнорукий муж. В ресницах крошки, не смывала тушь, уж скоро на работу — ждет химчистка. А госкровать прижала нас так близко, что верится, нет ближе наших душ. Я спящую целую вас несмело. Вы были так добры. Любовь согрела озябшее в чреде все новых зим в райцентр командированное тело. И дай вам Бог любимой быть другим. А радио уже играет гимн.

6 Новости. Не умер. Впрочем, не исключено. Чем дальше в лес великой перестройки, тем больше дров, да все ударней дойки. Все крепче сталь. Течет рекой зерно. В Уфе открылось новое кино. У них в больницах дорожают койки. В коротком репортаже с их помойки вам сообщат, что все обречено: растет преступность, дешевеют лиры. Татар, посланцев нашей звонкой лиры, в Париже принимают на ура. Хотя канадцы — страшные задиры, не лыком шиты наши мастера. Погода завтра та же, что вчера.

7 Праздник.

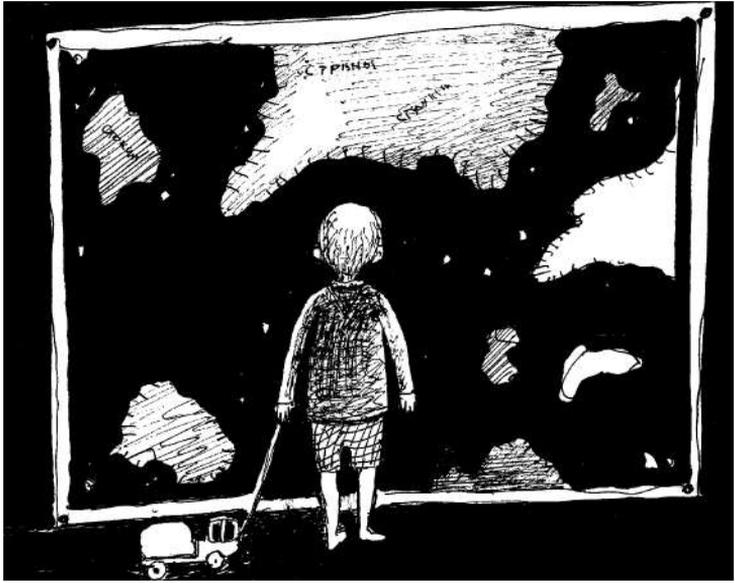
Пора, пора. Хотя нигде не ждут. Так можно до весны, раздвинув шторы, глазеть весь день на крыши и заборы, потом трусить в столовку, где дают февральский общепитовский уют. Идут за днями дни. И каждый скорый других увозит, дав гудок, в просторы. По радио передают салют. Здесь лишь слепой глухонемой проказник мог бы забыть о том, что нынче праздник. Победный марш штурмует нумера. Потом всю ночь далекой ВОВ участник в открытую фрамугу до утра не устает во двор кричать “ура”.

8 Записка.

Я заходил, звонил, стучал, напрасно. Вас не было. Хотел вам сообщить, что наших отношений рвется нить. Что мне пора. Что вы, хоть и прекрасны, но всё же поезд отменить не властны. И потому прошу меня простить. Еще хотел сказать, что, может быть, я вас люблю. И в этот день ненастный нам пить бы чай. Увы, жить надо проще — вы были правы, там, в ночи, на ощупь включив “Маяк”, чтобы развеять грусть. Уж ждет в такси угрюмый перевозчик. И пусть я вам наивным покажусь, пишу — но вы не верьте — я вернусь.

ЕВГЕНИЙ БАБУШКИН

Я начинаю путь

Пёпа спросил у папы, как было в Советском Союзе. Тот потыкал палкой в снег и показал коричневые листья.
— Красиво?

— Распад!

Больше ни до, ни после не говорили. От папы остался магнитофон. Голоса смеялись:

потолок ледяной дверь скрипучая
за шершавой стеной тьма колючая
как пойдешь за порог всюду иней
а из окон парок синий-синий.

Дразнили Попой, Пипой, Петухом. Был бы папа, научил бы защищаться. Научил бы бросить их на лед. Лишь один во дворе был смешнее Пёпы: больной Вова, который приделал колесики к чучелу птицы и так ходил, а ему кукарекали вслед. В Советском Союзе так не делали. Зима ушла, магнитофон запел:

один раз в год сады цветут
весной любви один раз ждут
всего один лишь только раз
цветут сады в душе у нас
один лишь раз
один лишь раз.

Кроме Пёпы и Вовы, все росли и выросли, особенно девочки. В Советском Союзе они были другие, серьезные и добрые,